

ДОМ В ПОРУБЕЖЬЕ

Извлечение из Манускрипта,
в 1877 году обнаруженного мессирами Тоннисоном
и Беррегногом в руинах, лежащих к югу от деревни
Крейгхтен на западе Ирландии.
Составлено с примечаниями.

*Отцу Моему,
чьи ступни попирают
канувшие в небытие зоны.*

Отвори дверь
И внемли!
Слышишь: воеет ветер как зверь,
И в небе Земли
Слезы рядом с Луной.
Дальнему топоту ног внемли, человек,
Слушай и стой.
Это мертвые уходят навек.
Стой и внемли
Печальным вздохам
Ветра в темной дали.
Стой и внемли без страха
Этим шагам, что велят тебе умереть.
Шагам, что знают вечность и смерть, —
Стой и внемли! Молча внемли!

Шаги мертвецов

ВВЕДЕНИЕ К МАНУСКРИПТУ

Многие часы провел я, размышляя над повествованием, с которым читатель сейчас ознакомится. Ощущая себя редактором, я то и дело чувствовал побуждение подвергнуть его соответствующей литературной обработке; однако полагаю, что права интуиция, заставившая меня оставить рукопись без изменений — во всей простоте, в какой она попала мне в руки.

Передо мной лежит Манускрипт... представьте себе, с каким любопытством я листал эту книжицу, увидев впервые небольшой, но объемистый томик, почти полностью — кроме самых последних страниц — исписанный беглым, но разборчивым почерком, строчки которого теснились друг к другу. Я пишу эти слова, вспоминая исходящий от страниц слабый запах сырости, пальцы мои еще ощущают мягкую шероховатую поверхность бумаги.

Нетрудно припомнить первые впечатления, оставшиеся после самого беглого просмотра книги.

А теперь попробуйте представить меня вечером: уютно устроившегося в кресле с небольшим, но увесистым томиком. И ту перемену, которой подверглось мое суждение о нем. Представьте, как приходило доверие. Под покровом, казалось бы, сказки, фантазии скрывалась вполне разумная и последовательная система идей, захватившая меня куда более надежной хваткой, чем сам сюжет этого дневника или литературного произведения. Трудно утверждать, чем на самом деле является Манускрипт; я склоняюсь к первому определению. Внутри малого повествования таится великое. И в сем парадоксе вовсе нет парадокса.

Я читал, и текст Манускрипта подымал перед моими глазами Занавес, скрывающий немислимое, не позволяющий разуму заглянуть в неизвестное. Нелегко было воспринять смысл неуклюжих и коротких

предложений. Однако я не стану менять стиль: подобная лаконичность куда лучше моего собственного честолюбивого многословия способна открыть смысл того, что пережил старый Отшельник, обитатель исчезнувшего дома.

Мне нечего больше сказать об этом простом и незатейливом дневнике с его бесхитростным и незамысловатым рассказом о потусторонних и весьма необычайных материях. Дневник перед вами. И смысл его откроется каждому читателю — в меру способностей и желания. Тем же, кто сумеет не заметить в нем даже сейчас стоящие перед моими глазами картины того, что мы привыкли называть именами Рая и Ада, я обещаю просто захватывающее и ужасающее повествование, пусть для таких читателей Манускрипт останется всего лишь литературным произведением.

Наконец — чтобы потом не досаждать своим мнением — должен заметить, что не могу не считать представление о «Сферах небесных» иллюстрацией (чуть не сказал «доказательством») влияния наших мыслей и чувств на Реальность. Эта идея не ставит под сомнение существование Материи, но позволяет представить себе существование миров мысли и чувства, должным образом подчиненных схеме Творения.

*Уильям Хоуп Ходжсон.
«Гланей Фион»
Борм, Кардиганшир
17 декабря 1907 года*

ГОРЕ

<Стансы эти я обнаружил на листе в формате фулскапа*, вклеенном за форзацем Манускрипта. Судя по виду, лист этот был исписан карандашом еще до составления книги.>

Сжигает душу Скорбь.
 Не ведал я, что мир,
 Лежащий под Господнею десницей,
 Способен породить змею моей тоски,
 Что истекла, должно быть,
 Из адской сердцевины обиталища людей.
 Каждый вздох мой сделался стоном,
 Сердце бьется в тенетах разлуки,
 И мысль одна не покидает душу:
 Нигде ни среди дня, ни ночью
 Тебя я не увижу.
 Только память осталась у меня
 О той, которая была, которой больше нет.
 Скитался я полночными тропами,
 Повсюду возглашая твое имя,
 Но не было ответа. И ночь
 Отлилась в храм, и звездные
 Колокола взрыдали обо мне,
 Об одиноком среди толпы и людных городов.
 Оставляя просторы земные,
 Припадал я к отцу-океану,
 Моля его об утешенье и покое,
 Но ни просторы с белой пеной гребней,
 Ни глубины с безднами морскими
 Не знали, почему нам суждена разлука.
 И теперь я один в этом мире —
 В мире, открытом мне когда-то тобою, —
 И терзается сердце, и рвет его мука.
 В бездну, ждущую все живое,
 Тебя забрала разлука —
 В Бездну,
 Где ничего не было и ничего не будет.

* Формат 34 × 42 см. — Прим. ред.

ГЛАВА I. НАХОДКА

Далеко на западе Ирландии лежит крошечная деревушка, что называется Крейгхтен, — уединенное местечко, расположенное у подножья отлогого холма. Вокруг простирается блеклая и совершенно негостеприимная пустошь, на просторах которой изредка можно набрести на руины давно заброшенного дома — лишенные крыши нагие каменные стены. Земля эта пустынна: мало кто селится в этом краю, где сама почва едва покрывает скалы, кое-где волнистыми гребнями выступающие над поверхностью.

Однако, невзирая на здешнее уединение, мы с приятелем моим Тоннисоном решили провести здесь отпуск. Местечко это он обнаружил случайно в прошлом году во время долгого пешеходного путешествия, приведшего моего друга в угоды, радующие рыболова, — на маленькую безымянную речонку, что огибает окраины деревушки.

Я сказал, что у речки нет имени; могу лишь добавить, что ни на одной карте, к которой мне довелось обращаться, не смог найти ни потока, ни деревушки. Их словно бы никто не замечал; действительно, если следовать путеводителям, ни того ни другого как бы не существует. Отчасти это можно объяснить тем, что ближайшая железнодорожная станция, Ардрахан, располагается в сорока милях отсюда.

И вот однажды теплым вечерком мы с приятелем прибыли в Крейгхтен. Предыдущей ночью мы высадились в Ардрахане и заночевали в комнатах, снятых в почтовом отделении, а утром в добрый час отправились в путь, цепляясь за сиденья экипажа местной работы.

На путешествие ушел целый день; худшей дороги невозможно было себе представить. В конце концов мы устали и хорошее расположение духа оставило нас. Однако прежде чем можно было подумать о еде и об отдыхе, пришлось сперва поставить палатку и укрыть в ней свои

пожитки. Поэтому мы приступили к работе и с помощью возницы справились с нею, устроившись на небольшом клочке земли возле реки.

Выгрузив свои вещи, мы отпустили возницу, он поспешно отправился восвояси, чтобы вернуться за нами через двадцать дней. Провизии должно было хватить на все это время, воду нетрудно брать из ручья. В топливе мы не нуждались, поскольку среди прочего прихватили масляную печурку, однако погода оставалась ясной и теплой.

Расположиться в палатке предложил Тоннисон. Он посчитал, что, устроившись на постой в одном из коттеджей, мы будем вынуждены разделить помещение с многочисленным и здоровым ирландским семейством, обитающим в одном углу его, и находящимся у противоположной стены свиным стойлом; тем временем гнездящиеся под крышей птицы будут беспристрастно и обильно наделять нас обоих своими дарами, а печь наполнит все помещение столь густым торфяным дымом, что снаружи и голову в дверь не просунешь.

Тоннисон разжег свою печурку и уже укладывал ломти бекона на сковороду, поэтому, взяв чайник, я направился к реке за водой. По пути мне пришлось миновать целую группу местных жителей, глазевших на нас спокойно и невозмутимо; впрочем, никто из них не обмолвился даже словом.

Возвращаясь назад с полным чайником, я подошел к ним и, поздоровавшись дружелюбным поклоном, на который они ответили подобным же образом, начал расспрашивать их о рыбной ловле, но они молчали, качали головами и глядели на меня. Я повторил свой вопрос, обращаясь к верзиле, оказавшемуся рядом со мной, и вновь не получил никакого ответа; потом он повернулся к товарищу и торопливо произнес нечто на непонятном мне языке, и немедленно вся толпа разразилась какой-то тарабарщиной... через какие-то мгновения я догадался, что разговаривают они по-ирландски. Все то и дело поглядывали на меня. Так они переговаривались, должно быть, с минуту, а потом человек, к которому я обращался, повернулся ко мне лицом и что-то проговорил. По выражению его лица я догадался, что он в свой черед что-то спрашивал у меня; теперь головой покачивать пришлось мне самому, знаками давая понять, что не могу ответить; так мы стояли, переглядываясь друг с другом, пока я не услышал голос Тоннисона, торопившего меня с чайником. Слегка поклонившись, я с улыбкой оставил стоявших; те, также улыбаясь, начали кланяться мне

в ответ, хотя на лицах заметно было недоумение. Очевидно, решил я, возвращаясь в палатку, что обитатели этих затерявшихся в глуши хижин не могли связать даже пары слов по-английски; когда я рассказал обо всем Тоннисону, он заметил, что знал об этом, — более того, подобное неведение нередко в здешних краях, где человек зачастую проводит всю свою жизнь в уединенной деревне, ни разу не вступив в контакт с внешним миром.

— Нам следовало попросить возницу все растолковать этим людям, — заметил я, приступая к трапезе. — Их явно интересует, зачем мы явились сюда.

Тоннисон утвердительно буркнул что-то в ответ, а потом надолго умолк.

Позже, утолив голод, мы завели разговор о планах на завтра и, перекурив, опустили полог, чтобы приготовиться ко сну.

— Надеюсь, они ничего не стащат? — заметил я, пока мы заворачивались в одеяла.

Тоннисон отвечал, что на это можно надеяться, лишь если мы будем держаться неподалеку, и добавил, что все вещи, кроме самой палатки, придется спрятать в большом сундуке, в котором привезли с собой провизию. Я согласился с этим, и вскоре мы оба уснули.

На следующее утро мы встали пораньше и отправились поплавать в реке, потом оделись и позавтракали. Пока мы доставали рыболовные снасти и готовили их, съеденная пища успела улечься в наших желудках, и, упрятав вещи внутри палатки, мы отправились вдоль ручья — туда, где мой приятель побывал во время предыдущего визита.

Целый день мы блаженствовали за рыбной ловлей и медленно передвигались вверх по течению, — к вечеру оказалось, что подобного улова мне не приводилось видеть уже давно. Возвращаясь в деревню, мы хорошенько перебрали добычу и, отделив для себя несколько самых лучших рыбин, прочие вручили местным жителям, с почтительного удаления наблюдавшим за нашими деяниями. Они были благодарны сверх меры и — как следовало предположить — обрушили на наши головы целую гору ирландских благословений.

Так мы провели несколько дней, посвятив их великолепному спорту, а волчий аппетит помогал нам разделяться с нашей добычей. Приятно было видеть, что селяне благосклонно относятся к нам: наши пожитки ни разу не обнаружили следов непрошеного вторжения.

В Крейгхтен мы прибыли во вторник, а в следующее воскресенье сделали великое открытие. Все предыдущие дни мы ходили вверх по течению ручья, но в тот день отложили свои рыболовные снасти и, прихватив провизию для долгой прогулки, отправились в противоположную сторону. День выдался теплым, мы шагали неторопливо и около полудня остановились перекусить на огромной плоской скале возле берега реки. Вволю посидев и покурив, мы продолжили путь, лишь когда безделье нам наконец надоело.

Час, наверное, шагали мы, развлекаясь непринужденной и спокойной беседой о том и о сем, кое-где останавливаясь, чтобы мой спутник, обнаруживавший известные художественные наклонности, мог сделать очередную зарисовку понравившегося пейзажа.

И тут — абсолютно неожиданно для нас — река, течению которой мы следовали, вдруг закончилась, нырнув под землю.

— Боже мой! — удивился я. — Кто мог бы подумать, что такое вообще возможно?

Какое-то время я предавался изумлению, а потом обратился к Тоннисону, невозмутимо исследовавшему взглядом провал, в котором исчезла река.

Он сказал мне:

— Пойдем дальше. Река, наверно, может снова выйти на поверхность; в любом случае это место интересно исследовать.

Я согласился, и мы отправились дальше — в известной мере наугад, так как трудно было выбрать направление, в котором следовало продолжать поиски. Должно быть, мы прошли около мили, когда то и дело с любопытством оглядывавшийся по сторонам Тоннисон остановился, прикрывая ладонью глаза.

— Смотри! — сказал он чуть погодя и показал направление рукой. — Видишь? Справа какое-то облачко... если глядеть на ту большую скалу.

Я поглядел и через минуту как будто бы что-то разглядел, но что именно — понять не мог и сказал об этом приятелю.

— Что же, — ответил мой друг, — придется подойти и поглядеть.

И он направился в намеченную сторону, я следовал за ним. Вокруг появились кусты, и вскоре мы оказались наверху усеянного булыжниками откоса, под которым простирались заросли кустов и деревьев.

— Похоже, мы обнаружили оазис посреди каменистой пустыни, — пробормотал Тоннисон, с интересом оглядываясь. И тут же умолк, пристально вглядываясь в одну точку; последовав направлению его взгляда, я увидел в спокойном воздухе посреди лесистой низины туманный столб мелкой водяной пыли, на котором в лучах солнца играли бесчисленные отблески радуги.

— Как прекрасно! — воскликнул я.

— Да, — отвечал Тоннисон задумчивым тоном. — Там, конечно, обнаружится нечто вроде водопада. Возможно, там наша река вновь выходит из-под земли. Пойдем посмотрим.

Мы спустились вниз по склону и вступили в заросли деревьев и кустарника. Кусты тесно переплелись, а ветви деревьев нависали над нами; в чаще царил неприятный полумрак. Впрочем, темнота не могла скрыть от меня, что деревья по большей части были плодовыми, а вокруг там и сям попадались давно уже сгладившиеся следы цивилизации. Так понял я, что путь наш лежит среди заросшего огромного древнего сада. Я сказал об этом Тоннисону, и он согласился — действительно, у нас были все основания для подобного предположения.

Но какой скорби и грусти была исполнена эта котловина! Мы продвигались вперед, и безмолвное одиночество, царившее в запустевшем старом саду, охватывало меня все сильнее... по коже забегали мурашки. Нетрудно было представить каких-нибудь страшных тварей, прячущихся за сросшимися кустами... даже в воздухе этого сада чудилось нечто зловещее. Похоже, что и Тоннисон чувствовал себя не лучшим образом, однако молчал об этом.

И вдруг мы остановились. Из-за деревьев до слуха нашего доносился глухой и неясный звук. Тоннисон, прислушиваясь, пригнулся вперед. Теперь и я отчетливо различал непрерывный и грубый отголосок какого-то дальнего рева. Странное, неопишное смятение обрушилось на меня. Что за сад окружает нас? Куда мы идем? Я поглядел на своего спутника, желая выяснить, что он думает обо всем этом, и отметил только недоумение на его лице; однако пока я приглядывался к нему, черты лица друга моего прояснились, и Тоннисон проговорил, кивая уже с пониманием:

— Это же водопад. — В голосе его звучала уверенность. — Я понял, что служит причиной рева.

И, раздвигая перед собой кусты, он поспешно отправился в сторону звука.

По мере нашего продвижения вперед звук сделался отчетливее — мы явно приближались к его источнику. Рев становился все громче и раздавался все ближе, пока наконец не показалось — я немедленно сказал об этом Тоннисону, — что он исходит прямо из-под наших ног, хотя нас по-прежнему окружали кусты и деревья.

— Осторожно! — окликнул меня Тоннисон. — Смотри, куда идешь...

Тут оказалось, что деревья окончились, и мы вышли на самый край огромной поляны. Не далее как в шести шагах от нас зияло жерло чудовищной пропасти, извергавшей помимо звука целую тучу подобной туману водяной пыли, которую мы и заметили с вершины откоса.

Минуту мы постояли в молчании, возбужденно оглядывая окрестности, а потом друг мой осторожно приблизился к краю пропасти. Я последовал за ним, и сквозь клубящееся облако водяной пыли мы принялись разглядывать шипящий чудовищный перекат, вздувавший белую пену почти в сотне футов под нами.

— Боже мой! — вымолвил Тоннисон.

Я молчал, ощущая в известной степени благоговение, — настолько величественным и жутким оказалось это зрелище, о зловещей природе которого я узнал несколько позже.

Наконец я поднял взгляд вверх — к противоположному краю пропасти — и над облаком водяной пыли увидел нечто похожее на величественные руины. Я притронулся к плечу Тоннисона. Тот вздрогнул, оглянулся, и я указал ему на сооружение. Взор моего друга обратился в соответствующую сторону, и в глазах его вспыхнуло возбуждение.

— Идем, — крикнул он, перекрывая грохот воды. — Придется хорошенько все разглядеть. Тут мне чудится какая-то тайна... я просто нутром ощущаю ее.

И он пустился вперед вдоль края округлого жерла пропасти. Мы действительно приближались к неизвестному сооружению, — теперь я уже видел, что не ошибся. Сомнений не было — перед нами высились руины какого-то разрушенного здания, но мне сделалось уже ясно, что сооружение это располагалось не на самом краю пропасти, как сперва показалось, а гнездилось над вершиной утеса, возвышавшегося над краем ее футов на пятьдесят-шестьдесят. Ощерившиеся камнями

руины словно висели над облаком водяной пыли. С противоположного края мы поднимались по выступающему отрогу скалы; должен признаться, я испытал неодолимый ужас, бросив взгляд с головокружительных высот в неизведанную бездну под нами — в глуби земные, где грохотала вода, вздымая кверху облако пыли.

Добравшись до руин, мы осторожно обошли их и на противоположной стороне наткнулись на груду упавших камней и обломков. Я разглядывал стену, и мне казалось, что передо мной внешняя стена какого-то огромного сооружения — настолько мощной и прочной она была, — но тем не менее не понял, каким было здание и зачем его здесь построили. Где же остальная часть этого дома, замка или чего-то другого?

Я отправился к внешней стороне стены — к самому краю пропасти, оставив Тоннисона копать среди камней и обломков, и приступил к изучению поверхности земли возле самого края обрыва, чтобы выяснить, не обнаружится ли там других следов сооружения, от которого остались одни руины. Но, самым тщательнейшим образом обследовав почву, я так и не нашел никаких следов здания, прежде стоявшего на этом месте... Изумление мое возрастало и возрастало.

Тут до меня донесся зов Тоннисона: он взволнованно выкрикивал мое имя, и без промедления я поспешил вдоль скалистого выступа обратно к руинам. Я боялся, что он чем-то поранился, и только потом понял: Тоннисон наверняка нашел нечто особенно интересное.

Добравшись до обрушившейся стены, я обошел ее и обнаружил Тоннисона посреди небольшой ямы, выкопанной им в осыпи; мой приятель как раз стряхивал грязь с похожего на книгу предмета — мятого, ветхого — и каждую секунду или две выкрикивал мое имя. Завидев меня, он немедленно вручил мне свою добычу и распорядился, чтобы я убрал ее в мешок, подальше от влаги, пока он будет доканчивать свои исследования. Так я и поступил, сперва, впрочем, бегло перелистав страницы, тесно исписанные вполне разборчивым аккуратным старомодным почерком. Лишь посредине грязь и сырость испортили много страниц — там, где книжку перегнули пополам. В таком положении, по словам Тоннисона, он и нашел ее; повреждения эти, по всей видимости, были причинены камнепадом. Любопытно заметить, что книга оказалась сухой, так как камни надежно укрывали ее от влаги.

Упрятав томик в надежное место, я вернулся и предложил Тоннисону свою помощь в затеянных им раскопках; после часа работ, перевернув едва ли не всю груду обломков и камня, мы не нашли ничего, кроме ломаных досок, возможно составлявших часть стола или скамьи; наконец мы оставили поиски и спустились по скале обратно — к надежной земле.

Потом мы обошли кругом огромную пропасть... Казалось, что ее ограничивает почти идеальная окружность, из которой, нарушая симметрию, выдавалась лишь увенчанная руинами скала.

Тут Тоннисон заметил, что наша бездна представляет собой не что иное, как колодец или жерло, уходящее в самые недра земли.

Потом мы вновь обратились к окрестностям и, заметив прогалину к северу от пропасти, направились к ней.

Здесь — в удалении от огромного жерла — располагалось большое и тихое озеро; гладкую поверхность его лишь в одном месте возмущало бурление струй.

Удалившись от пасти бездны, мы могли теперь спокойно говорить друг с другом, не напрягая голоса, и, интересуясь мнением Тоннисона обо всем этом урочище, я сказал, что оно мне не по душе и чем скорее мы оставим его, тем лучше.

Он кивнул в ответ и бросил короткий взгляд за спину — в сторону зарослей. Я спросил, в чем дело, полагая, что он услышал что-то или увидел. Тоннисон не ответил. Он молча прислушивался; я тоже не нарушал безмолвия.

Вдруг он заговорил:

— Внемли! — прозвучало отрывистое слово. Я мельком поглядел на него — а потом повернулся в сторону леса и невольно затаил дыхание. Минута прошла в напряженном молчании. Я ничего не слышал и уже повернулся к Тоннисону, чтобы сказать об этом; но не успел раскрыть рот, как из леса слева от нас донесся заунывный вой, проплывший среди деревьев, потом зашелестели листья — и настала тишина.

Тут Тоннисон положил мне ладонь на плечо.

— Идем отсюда, — проговорил он и неторопливо направился в ту сторону, где кусты и деревья казались реже. Последовав за ним, я заметил, что солнце уже опустилось, а в воздухе почувствовался холодок.

Тоннисон молча шагал вперед. Мы оказались уже среди деревьев; я то и дело нервно оглядывался, но ничего не замечал, кроме

неподвижных ветвей, стволов и густых зарослей. Мы шли дальше, и ни один звук не нарушал тишины, только изредка под нашими ногами похрустывали ветви. Но несмотря на безмолвие, я с ужасом ощущал: мы здесь не одни. Я буквально жался к Тоннисону и дважды неуклюже наступил ему на пятки... оба раза он промолчал. Минута, другая — и мы наконец достигли окраины зарослей, за которыми начиналась привычная скалистая пустошь. Только тут сумел я избавиться от ощущения ужаса, никак не оставившего меня в чаще.

Мы удалялись; когда издали вновь донесся этот вой или стон, я постарался убедить себя в том, что виной тому ветер, — хотя вечер был совершенно тихий.

Наконец Тоннисон заговорил.

— Знаешь что, — решительно произнес он, — я не решился бы заночевать в этой чаще даже за все богатства мира. Есть в ней нечто нечистое... бесовское. Я вдруг понял это после твоих слов. Почему-то мне показалось, что весь этот лес кишит мерзкими тварями, — ты ведь и сам ощутил это!

— Да, — отвечал я озираясь, но урочище уже было скрыто от нас склоном холма. — А вот и книга, — проговорил я, запуская руку в мешок.

— С ней все в порядке? — внезапно спросил мой друг обеспокоенным тоном.

— Да, — отвечал я.

— Быть может, — продолжил он, — она кое-что нам расскажет, когда возвратимся в палатку. Давай поторопимся: идти еще далеко, а я не хочу, чтобы тьма застигла нас на открытом месте.

К своей палатке мы добрались часа через два и немедленно принялись готовить еду, потому что не ели с самого полудня.

Покончив с ужином, мы убрали за собой и разожгли трубки. Тут Тоннисон попросил меня извлечь Манускрипт из ранца. Так я и поступил, и, поскольку читать его вместе было неудобно, Тоннисон предложил мне читать вслух.

— Но не смей, — предупредил он, зная мои наклонности, — пропускать каждую вторую страницу.

Если бы друг мой мог предположить, что содержит в себе эта книга, то, конечно, воздержался бы от столь неуместного предупреждения... Так, усевшись возле входа в нашу небольшую палатку, начал я читать странный рассказ под заглавием «Дом в Порубежье», выведенным

на обложке Манускрипта. Содержание этого рассказа я привожу на последующих страницах.

ГЛАВА II. РАВНИНА МОЛЧАНИЯ

Я — старик. Я живу в этом древнем доме, посреди огромного дикого сада.

Крестьяне, обитающие в этой глуши вдали от моего дома, уверены, что я безумен. Должно быть, они так считают потому, что у меня с ними нет ничего общего. Я живу здесь вместе со старушкой-сестрой, которая ведет наше хозяйство. Слуг у нас нет — я не терплю их. Компанию мне составляет единственный старый друг — пес Рыжик, и пусть гибнет весь мир, пока он остается со мною. Уж он-то умеет меня понимать... ему хватает ума не докучать мне, когда я не в духе.

Я решил завести дневник, чтобы занести в него свои думы и впечатления, которые могу поверить только бумаге, но превыше всего стремясь описать странные события, очевидцем которых довелось мне быть за долгие годы, прожитые мною в этом зловещем и старом доме.

Дом этот пользовался дурной репутацией еще пару столетий назад и, когда я купил его, пустовал уже более восьмидесяти лет; посему мне и удалось приобрести поместье за смехотворно низкую цену.

Я не суеверен, но давно не могу отрицать, что в древнем жилище моем творится нечто странное... я не могу дать объяснения этим событиям, а потому вынужден облегчить свою душу, описав подробно все, о чем знаю; впрочем, трудно сомневаться, что, если после смерти моей дневнику суждено попасть в чьи-то руки, читатель будет в сомнении качать головой, в сердце своем именуя меня безумцем.

Дом мой, насколько же он древен! Тем не менее возраст его потрясает все же в меньшей степени, чем обличье — причудливое и фантастическое. Крутобокие башни с витыми шпилями языками пламени взмывают над крышей округлого здания.

Я слышал одно предание: местные жители утверждают, что построил этот дом сам дьявол. Что ж... возможно. Но так оно или иначе — мне все равно. Куда важнее, что рассказы эти позволили сбить цену, когда я приступил к покупке.

Я успел прожить в нем около десяти лет, прежде чем начали подтверждаться досужие разговоры. Не спорю, не менее дюжины раз и

до этого приходилось мне видеть здесь кое-что удивительное, а еще чаще — ощущать в большей мере, чем видеть. Но прошедшие годы привели за собою старость, и я часто чувствую нечто невидимое в пустынных комнатах и коридорах. Как я уже говорил, много лет миновало, прежде чем довелось мне увидеть воистину... скажем так: сверхъестественные события.

Это был не канун Дня Всех святых. Если б я писал свою повесть развлечения ради, то, возможно, события и начались бы именно в эту ночь, но мой рассказ лишь о том, что действительно было... ради чужого удовольствия я не стал бы даже прикасаться к бумаге. Нет. Все случилось, когда миновала полночь и близилось утро двадцать первого января. По привычке я сидел и читал у себя в кабинете. Рыжик дремал возле моего кресла.

И вдруг пламя двух свечей сперва затрепетало, а потом вспыхнуло призрачным зеленоватым светом. Я немедленно глянул на них, но язычки огня потускнели, обретая багряный оттенок... странные алые отблески легли на столы и кресла, окрасили тени кровью — словно разбрызгавшейся по всей комнате.

С пола донесся слабый испуганный визг, и что-то ткнулось в мои ноги... это был Рыжик, пытавшийся забиться под полы моего халата... Рыжик, — обычно отважный, как лев!

Лишь тревога собаки, как мне кажется, впервые заставила меня почувствовать истинный страх. Конечно же, я несколько испугался, когда свечи загорелись сначала зеленым, потом красным огнем, но решил, что причиной всему какой-нибудь газ, просочившийся в комнату. Правда, я успел увериться, что это не так: свечи горели ровным огнем, и пламя их не гасло, как было бы, если бы цвет пламени менялся под действием какого-то летучего газа.

Я не шевелился. Да, я испытывал явный испуг, но не мог ничего предпринять — оставалось лишь ждать. Быть может, с минуту я с тревогой оглядывал комнату. И заметил, что свет свечей действительно стал угасать, наконец огоньки их рубинами заблестели в сгустившейся тьме. Но я по-прежнему ждал, и сонное безразличие, крадучись, охватывало меня, изгоняя страх, подступавший все ближе и ближе.

Поодаль, на противоположном конце огромной старинной комнаты, я заметил странное свечение. Оно медленно усиливалось, наполняя помещение пляшущими зелеными отблесками, сразу же начинавшими тускнеть и разом преобразившимися — едва погасли

свечи — в глубокий и мрачный багрянец, жутким своим свечением затопивший всю комнату.

Свет этот исходил от противоположной стены, он становился все ярче и ярче; наконец сделался нестерпимым, уже начал резать глаза — и я непроизвольно сомкнул веки и сумел вновь открыть их только через несколько секунд. И сразу же понял: свет померк и уже не причинял боли, а когда он еще более ослаб, я вдруг обнаружил — буквально в какой-то миг, — что алая стена словно растаяла и я как бы вижу сквозь нее и за нею.

Постепенно, пока я свыкался с этой мыслью, мне стало казаться, что передо мной простерлась огромная равнина, залитая тем же закатным светом, что теперь наполнял комнату. Пределов ее невозможно было постигнуть; я нигде не видел границ равнины. Даль ширилась и уходила во все стороны, так что не было ей ни конца ни края. Постепенно неподалеку начали проступать какие-то детали, и буквально в один миг — когда разом угас этот свет — с ним пришло и видение, если только это было видением.

Я вдруг понял, что более не сижу в кресле, а словно парю над ним, над темным и безмолвным силуэтом человека, застывшего возле стола. Внезапно налетевший порыв холодного ветра вынес меня наружу, во тьму, и как пылинку повлек неведомо куда. Холод ледяным плащом окутал меня, и я затрепетал.

Потом я поглядел направо, налево... вокруг царил нестерпимый мрак, и лишь вдали его пронзали ясные лучи. Я летел все дальше и дальше и, обернувшись назад, увидел Землю, голубым полумесяцем удалявшуюся за левое плечо. В стороне ярко-белым пламенем горело Солнце.

Не знаю, сколько прошло времени. Помню, как я смотрел на Землю — лучистый голубой шарик, исчезающий в вечном эфире. А я — пылинка души, хрупкое облачко — пронзал пустоту, уносясь от этой небесной синевы в неведомые просторы.

Миновало еще много времени... теперь я не видел уже ничего. Позади остались звезды, я растворялся в той чудовищной тьме, что сторожко замерла позади них. Прежде я не чувствовал ничего — разве что легкость и холод. Но теперь свирепая тьма начинала вползать в мою душу, наполняя ее страхом и отчаянием. Что будет со мной? Куда меня уносит? Но не успели оформиться эти мысли, как едва ли не вещественная тьма вокруг озарилась кровавым багрянцем, пона-

чалу очень слабым и как бы туманным, и уныние сразу же оставило меня, отчаяние исчезло.

Багряные отсветы впереди медленно становились ясней и ясней и наконец превратились в мрачный и неяркий свет, полный опасной мощи. Но я все летел вперед, и наконец свет этот превратился в огромный кровавый океан, распростершийся внизу подо мной. Я не видел ничего иного, кроме его бесконечных просторов.

Потом я обнаружил, что опускаюсь прямо в огромное море пухлых багрянеющих облаков. Медленно я пронзал их в своем полете, и вот наконец подо мной распростерлась равнина, которую видел я из своего дома, стоящего на границе с Молчаньем.

Наконец я опустился на поверхность земли и встал одинокий посреди пустыни. Мрачен был свет над нею, вселявший в душу невыносимую тоску.

Вдали в правой части неба багровело кольцо темно-красного пламени, от него исходили огромные языки... извивавшиеся, трепетавшие, протягивавшиеся во все стороны. Внутри кольца была чернота, как в той вечной ночи, что окружала меня. Солнце ночи — решил я — и светит под стать своему имени.

Оторвав свой взор от странного светила, я обратился к окрестностям. Но повсюду, куда ни глянь, лежала та же безграничная и плоская равнина; нигде на ней не различал я признаков жизни, даже былой — хотя бы позабытых руин древнего поселения.

Постепенно я заметил, что меня несет над этой ровной пустыней. Целую вечность, должно быть, я устремлялся вперед, не чувствуя нетерпения: любопытство и изумление не покидали меня. Но вокруг оставалась та же равнина; я все время старался заметить хоть что-нибудь способное нарушить ее однообразие... но не было перемен — только одиночество, безмолвие и пустыня внизу подо мной.

Наконец я заметил вдали клубы какого-то тумана над ее поверхностью, не осознавая еще, не облака ли предстают передо мною, — ибо туман сливался с равниной, придавая ей особую неправдоподобность, делая нематериальной.

Однообразие уже начинало меня утомлять. Но не скоро я увидел вдали первые признаки места, к которому меня уносило.

Сперва впереди на поверхности равнины показался как бы маленький пригорок. И лишь подлетев поближе, я понял: не холмик передо мной, но могучий горный хребет, чьи великие пики рвались ввысь, растворяясь в кровавом мраке.

ГЛАВА III. ДОМ НА АРЕНЕ

Долго я приближался к этим горам. Тут направление моего путешествия изменилось — меня понесло вдоль их подножья, и наконец как бы вдруг я очутился перед огромным ущельем, уходящим в глубь гор, и устремился по нему с тою же скоростью. С обеих сторон ступенями вздымались вверх крутые стены — похоже, каменные. Далеко впереди под неприступными пиками тонкой ленточкой алел выход из ущелья. Но я продвигался вперед, и наконец ущелье закончилось, выпустив меня в глубокий багрянец.

Налетали минуты и отлетали... и вот передо мной уже открылся просторный амфитеатр, раскинувшийся среди гор. И я сразу забыл тогда об этих вершинах, об их ужасном величии, — настолько переполнило меня изумление: в нескольких милях передо мной, в центре амфитеатра, высилось колоссальное сооружение, словно бы вырезанное из зеленого нефрита. Но потрясло меня совсем не то, что здесь вдруг обнаружилось зеленое здание. С каждым новым мгновением я все отчетливей понимал, что лишь цветом и колоссальным размером отличалось это одинокое сооружение от дома, в котором я обитаю.

И я не мог отвести от него глаз, не мог поверить своим глазам.

«Что это значит? — вопрос возникал снова и снова. — Что это значит?» — но не было ответа. Тщетно напрягал я воображение, ощущая лишь страх... и удивление. Долго созерцал я, и наконец нечто еще не знакомое почудилось мне в этом сооружении. Тогда, утомленный и потрясенный, я отвернулся, чтобы осмотреть странное место, куда меня принесло.

Так увлечен я был созерцанием здания, что лишь изредка взгляд мой падал на окрестности. Теперь я начал понимать, где оказался. Арена — так я назвал ее — оказалась правильным кругом миль десяти или двенадцати в диаметре. Дом, как я уже упоминал, располагался в самом ее центре. Над поверхностью Арены, как и над равниной, висела мгла, сотканная, однако, не из тумана.

Взгляд мой поднялся выше — к склонам обступивших Арену гор. Сколь же молчаливы были они... Страшней их молчания ничего не видел я прежде и не представлял себе. Я глядел вверх на великие пики, на островерхие башни вершин. Их окутывал странный, словно осязаемый багрянец, размывавший очертания скал.

И пока я любопытствовал, обнаружился новый ужас. Вдалеке по правую руку медленно проявлялся черный исполинский силуэт. Он рос прямо на моих глазах. Плечи Гиганта венчала ослиная голова с

огромными ушами, взгляд его неотрывно был устремлен на Арену. По его позе я сразу же понял: целую вечность сторожит он эту Арену, не отводит взгляда от сердцевины жуткого амфитеатра. Облик чудовища постепенно делался все более ясным, и тогда взгляд мой вдруг сам перепрыгнул к другому чудищу — тому, что сидело выше и дальше среди утесов. Долго глядел я со страхом, странным образом угадывая в этом обличье нечто знакомое... издавна обретавшееся на задворках моего ума. Новая тварь была черной и имела четыре руки. Черт я не мог разглядеть. Вокруг шеи белели пятна; не скоро смог угадать я в них черепа. Ниже чудище охватывал еще один пояс, проступавший на темном фоне. И тогда удивленный ум наконец подарил отгадку: передо мной была чудовищная Кали, индусская богиня Смерти.

Нахлынули воспоминания, оставшиеся от студенческих дней, и взгляд мой вернулся к твари, увенчанной головою осла. Тут я понял, что передо мною египетский бог Сет, или Сетх, Губитель Душ. А следом возник вопрос — их двое, но... Я принялся думать. Невероятные образы хлынули в перепуганный ум. Внутреннее око не могло различить их. Старые боги, древние мифы! Тщетно силился я понять смысл увиденного. Взгляд мой метался между обоими силуэтами. Что, если...

И я обернулся, торопливо обшаривая взглядом мрачные скалы по левую руку. У подножия огромного пика серело пятно. И я удивился тому, что не сумел различить этого Гиганта, а потом вспомнил, что еще не глядел в эту сторону. Силуэт, как я уже говорил, был серым. Венчала тело огромная слепая голова, лишенная даже глазниц.

И тут я понял, что вокруг есть и другие. Вдалеке на уютном карнизе расплылась призрачная синевато-серая масса, словно лишенная очертаний, лишь мерзкая звериная морда злобно глядела откуда-то из середины. И вдруг я понял — чудищ вокруг были сотни. Они словно вырастали из теней. Нескольких я узнал — божества из знакомых мне мифов, — очертания других были непостижимы для человеческого разума.

По обе стороны глядел я и видел все больше и больше. Горы надо мной полны были странных тварей — зверобогов: кошмарных, настолько свирепых и лишенных даже признаков человечности, что я не смею описывать их. Сам же я исполнился непереносимого ужаса и отвращения и все-таки не мог скрыть удивления: выходит, есть малая истина в древнем язычестве и в богах его нельзя видеть лишь обожествленных людей, животных и стихии? Так думал я, заново осознавая основы.

А потом подумал — что же предстало передо мной? Кто эти твари? Поначалу я решил, что вижу лишь скульптуры чудовищ, разбросанные вольной рукою среди недоступных пиков и крутых обрывов. Но когда я внимательно разглядел эти фигуры, стало понятно: какая-то застывшая жизнь, проступавшая в их очертаниях, говорила пылливому разуму моему, что есть и жизнь-в-смерти... не та жизнь, какой мы видим ее, а, скорее, нечеловеческая форма бытия, нечто вроде транса, не знающего смерти, в котором существование длится едва ли не вечно. Бессмертье! — непрошеным вырвалось слово, и я удивился: неужели и вправду таково бессмертье ложных богов?

Но пока я размышлял и дивился, случилось другое. Все это время я оставался в тени, возле выхода из огромного ущелья. И вдруг, вовсе того не желая, выплыл из полумглы и через Арену медленно направился к дому. Тут я забыл о Гигантах, высившихся надо мной, и не отводил взгляда от колоссального сооружения, к которому приближала меня чья-то не знающая жалости воля. Я смотрел и смотрел вперед, но не смог различить ничего нового и постепенно стал успокаиваться.

Наконец, ощущая беспредельное одиночество, окруженный безмолвием, достиг я места на полпути между ущельем и домом. Неумолимо близилось огромное сооружение. И тут из-за одной из башен дома появилось нечто, сразу приковавшее к себе мой взгляд. Передо мной оказался Гигант, двигавшийся странной походкой, почти прямой, похожей на человеческую. Тварь была без одежды и как бы светилась изнутри. Но вместо лица... я ужаснулся: у нее была морда свиньи.

Молча, сосредоточась, разглядывал я ужасную тварь и, завороженный движеньями Гиганта, забыл обо всех других страхах. Чудовище неуклюже обходило здание, останавливалось, заглядывало в окна, трясло решетки, которыми закрывались они здесь, как и в доме моем; а когда оказывалось возле двери, то начинало толкаться в нее, украдкой щупая петли. Тварь эта явно хотела проникнуть в дом.

Теперь я был уже лишь в четверти мили от огромного здания, и меня по-прежнему увлекало вперед. И тут эта тварь обернулась, обратив ко мне свой мерзкий взор. А потом разверзла пасть, и впервые тишину этого мерзкого места нарушил звук — словно бы рокот, пробудивший во мне недобрые предчувствия. И тогда я заметил, что чудище уже несется ко мне — безмолвно и быстро. В какое-то мгновение оно уже покрыло половину разделявшего нас пути. Но я, беспомощный, все еще приближался к нему. Нас уже разделяла лишь сотня ярдов, и непередаваемо свирепая морда Гиганта повергла меня в смертельный ужас. Наверно, я закричал, не в силах вынести страха, но буквально

в последний момент понял, что уже сверху гляжу на Арену, удаляющуюся от меня, уходящую все ниже и ниже. Я поднимался, и за непостижимо короткий миг оказался высоко над Ареной — в нескольких сотнях футов. Внизу же — там, где только что пребывал я, — встав на четвереньки, как подобает мерзкой хавронье, Гигант с мордой свиньи рыл пяточком поверхность Арены. А потом поднялся на ноги, поглядел вверх, и морда его озарилась вожделением, какого мне еще не приходилось видеть.

Я поднимался все выше и выше и буквально за считанные минуты вознесся над горами и поплыл в одиночестве в дальний багрянец. Далеко внизу подо мной исчезала Арена. Крошечной точкой зеленел на ней огромный дом. Свиногиганта не было видно.

Наконец, миновав горы, я выплыл к равнине. Далеко впереди, под солнцем-кольцом, что-то мелькнуло. Я поглядел с безразличием. Вспомнилось — я видел это светило перед тем, как передо мною открылся загадочный амфитеатр.

Устало возвел я глаза к огромному огненному колесу. Странное было зрелище! И пока я смотрел, из центра черного диска ударил невероятно яркий огонь. По сравнению с черным кругом крохотным казался мне язык этого пламени, но я знал — он был невероятно огромен. С пробудившимся интересом я внимательно всматривался, следил, как померк и растаял пламенный след, а потом — буквально через мгновение — все потускнело, померкло и сразу исчезло из вида. Удивленный, я вновь поглядел на равнину, над которой по-прежнему поднимался. Тут удивление лишь увеличилось: равнина исчезла, и лишь море тумана рдело внизу. Постепенно это море растаяло в отдалении среди неизмеренной ночи, и потом исчезла и ночь, а я остался среди темноты.

ГЛАВА IV. ЗЕМЛЯ

Во тьме пребывал я, и лишь память о том, что я уже пережил этот мрак на пути сюда, помогла мне сохранить рассудок. Шло время, века миновали. Лишь тогда впереди показалась звезда — первая, на самой границе вселенной. И вот она уже позади, и повсюду во всем великолепии своем меня окружают звезды. Потом — уже через годы — я заметил солнце: пылающий огонек, а рядом светлые точки — планеты, кружащие возле светила. Так я снова увидел Землю — крошечную и голубую.

СОДЕРЖАНИЕ

Дом в Порубежье

Введение к Манускрипту	6
Горе	8
Глава I. Находка	9
Глава II. Равнина молчания	18
Глава III. Дом на арене	22
Глава IV. Земля	25
Глава V. Тварь в яме	27
Глава VI. Свинорылы	32
Глава VII. Нападение	39
Глава VIII. После нападения	43
Глава IX. В Погребях	47
Глава X. Время ждать	49
Глава XI. Поиски в садах	51
Глава XII. Подземная яма	56
Глава XIII. Люк в большом погребе	63
Глава XIV. Море снов	66
Глава XV. Шум в ночи	69
Глава XVI. Пробуждение	76
Глава XVII. Вращение замедляется	79
Глава XVIII. Зеленая Звезда	83
Глава XIX. Конец Солнечной системы	88
Глава XX. Сферы небесные	91
Глава XXI. Темное солнце	93

Глава XXII. Темная туманность	96
Глава XXIII. Рыжик	99
Глава XXIV. Шаги в саду	100
Глава XXV. Тварь с Арены	103
Глава XXVI. Светящаяся искра	108
Глава XXVII. Заключение.	110

Ночная Земля

Глава I. Мирдат — прекрасная	117
Глава II. Последний редут	130
Глава III. Тихий зов.	141
Глава IV. Голос умолкает	153
Глава V. В Ночной Край	173
Глава VI. Мой путь	182
Глава VII. Ночная Земля.	190
Глава VIII. Вниз по склону	227
Глава IX. Темная Пирамида	238
Глава X. Дева моих прежних дней	266
Глава XI. Путь домой.	281
Глава XII. Вниз по ущелью.	299
Глава XIII. Путь домой вдоль берега	322
Глава XIV. На острове	350
Глава XV. Мимо Дома Молчания.	367
Глава XVI. В Стране Молчания	385
Глава XVII. Дни Любви	397

Сновидение Неизвестного

Предисловие, добавленное X к его «Сновидению»	403
Дни Любви	440